

Annotation

Рассеянность сыграла со мной злую шутку. Я умудрилась потерять собственную душу. А точнее, у меня ее украли. Ладно, как говорит

Высший Гад, «взяли в аренду».

По контракту я обязана месяц отрабатывать его личной ассистенткой. Ничего такого, о чем вы сейчас подумали. Просто угрюмый босс любит чистоту.

Надо поскорее возвращать душу, пока демон не начал претендовать на другие части тела. Но вот загвоздка: в контракте имеется коварный пункт. Любой отказ – и срок моего бытового рабства увеличивается вдвое.

Елена Княжина

Елена Княжина

К черту! или Любовь контрактом не предусмотрена

Пролог

– Вот, держи – мыло и веревка, – наглец в самом деле протягивает мне

моток и скользкий огрызок.

– Э-зачем? – делаю шаг назад, в сторону окна.

– Ну вот! Ты учишься мыслить в правильном направлении, – одобрительно кивает этот му-у-у...жчина. – Мой окно. Там что-то прилипло снаружи. Похоже на муху.

– Муху? Снаружи? Тут четырнадцать этажей!

– Карниз широкий.

– Я не удержу равновесие, – упираю руки в бока, надеюсь выиграть этот раунд. – Пункт восемь дробь пять: «кроме случаев, угрожающих безопасности жизни».

– Внимательная какая... А веревка тебе на что?

– А на что она мне?

Он ласково обматывает меня тонким тросом, завязывает приличный такой узел и накрепко фиксирует свободный конец вокруг своего кулака.

– Я беру на себя ответственность за твою безопасность. Далеко не

упадешь. Твоей жизни ничего не угрожает. Ненавижу грязь. Ненавижу мух. И неторопливых ассистенток тоже ненавижу.

Какой капризный мне попался рабовладелец! Про «торопливость» в контракте ничего не говорилось, так что я неспешно подхожу к окну. Робко выглядываю... Мда. Внизу снуют крошечные прохожие. Между мной

и ими все еще четырнадцать этажей. Ничего с утра не изменилось.

Я что, правда собираюсь вылезти наружу и вымыть треклятое окно? Выдыхаю. Да, собираюсь. А что остается? Хватаюсь рукой за каблук туфли... И в последний момент слышу:

– Не снимай. В них твои ноги красивее.

Понимаю: пытаться ему объяснить, что красота ног никак не сказывается на эффективности мытья окон, – бессмысленно. Это полено пробьет разве что дедовский топор, и то – не факт.

Так что я просто приподнимаю над коленями юбку-карандаш (и какой черт меня дернул так вырядиться к зачету?) и влезая на подоконник. Дрейк не стремится мне помочь. Позволяет все сделать самой. Лишь покачивает в воздухе связующим нас тросом, не отрывая зеленых глаз от зоны, где заканчивается ткань присборенной юбки.

Вооружившись влажной губкой, прилагавшейся к обмылку, и до белых костяшек вцепившись рукой в оконную раму, я делаю неуверенный шаг на карниз. Холода я не чувствую – тело стремительно

разгоняет по венам адреналин.

– Смелее, мышонок, – прилетает хриплое вдогонку.

Главное, не смотреть вниз, так ведь? Разумеется, тут же смотрю.

Неужели эти крошечные пятна – живые люди? Все куда-то спешат, и ни у кого нет минуты, чтобы поднять голову и увидеть сумасшедшую девицу, попавшую в крайне шаткое положение. Равнодушная толпа, озабоченная своими проблемами.

Еще шаг в сторону, и карниз издает жалобный всхлип. Да, дорогой, мне тоже несладко. Терпи. Я тянусь губкой к черной точке, так смутившей требовательное начальство. Действительно, муха. И что она тут забыла среди зимы?

Окно утопает в мыльных разводах, муха плавно стекает вниз... Какой-нибудь тайский независимый кинорежиссер – тот, что получил золотую пальмочку в Каннах, – вполне мог бы снять про это архаусную короткометражку. Непременно под классическую музыку...

Что-то идет не так.
Черт!

Каблуки разъезжаются на поверхности, вмиг ставшей скользкой.
У меня нервно дергаются колени. Хочется заорать на весь проспект,
чтобы эти крошечные пятна подняли свои головы, и хоть кто-то
пришел

меня спасти. Но голоса нет. Ужас
забрал его, заморозив связи.
Дрейк резко дергает трос на себя, и я прилипаю к мокрому стеклу.

Ноги дрожат, на языке одни ругательства. А он смотрит со скучающим
любопытством в окно, к которому прилипла насквозь мокрая я. Как та
самая

муха, да. Прекрасно понимаю теперь ее
ощущения.

Этот гад тем временем сосредоточенно прожигает две дырки в
области декольте.

– Риэлтор прав – отсюда открывается прекрасный вид, – выдает,
наконец, вызревшую мысль мой внезапный босс.

Да будь проклят тот день, когда я подписала чертов контракт! И
восславься день сегодняшний, когда я заключила совсем иной договор,
о котором этот му-у-у...жик и не подозревает.

Глава 1

Незадолго до событий, описанных в прологе

– Любишь стоять на коленях? Могу предложить тебе работу, –
первое, что я услышала тем чертовым утром.

Произнесенное сухим, будничным, будто даже слегка
раздраженным тоном, оно никак не вписывалось в мою картину мира.
Уже хотя бы потому, что незнакомый тип, чей голос доносился сзади и
свысока,

обращался ко мне на ты.

Я медленно повернула голову, все еще опираясь на обе ладони.
Колени ныли – падение на асфальт было болезненным. Сразу
вспомнились детские годы, «казаки-разбойники» и мама,
вооружившаяся ваткой с зеленкой. Каблуки при нынешнем состоянии
обледенелых тротуаров – смертельное оружие, направленное против
себя.

Но все неприятные ощущения вмиг заглушило приливом ярости.
Мужик – изрядно небритый и лохматый – откровенно пялился на мои
выпяченные «нижние девяносто».

– Мне не нужна работа, – прошипела в ответ и попыталась встать.
На помощь этого хама, упакованного в джинсы и серое пальто,

рассчитывать не приходилось.

– Уверена? Уж очень вид у тебя занятый. А мне как раз нужна уборщица.

Вот тут я поперхнулась. Уборка? В смысле, полы мыть?

– А ты на какую вакансию рассчитывала? – угольная бровь графично выгнулась. – Квартира новая, пыли мало. Но уборщица нужна. Та, что меня устраивала на 80%, как сквозь землю провалилась. А

я, как на зло, не выношу грязь.

Он, видимо, рассчитывал на мое сочувствие. Но меня хватило лишь на самодовольный хмык. Я бы на месте той уборщицы тоже куда-нибудь

с радостью провалилась.

На колготках зияли две дыры, из которых выглядывали свежеприобретенные продольные ссадины. Я раздосадованно охнула, на минуту забыв о противном товарище. Надо покупать новые, а денег от стипендии и подработки почти не осталось. На себя-то мне обычно хватало,

но последнюю неделю приходилось

кормить целых три рта.

– Терпеть не могу новомодные штучки. Роботы-пылесосы, электро-швабры... – продолжал мужик, неодобрительно поглядывая на мои порванные колготки. – Люблю традиционную уборку. Колени, руки, тряпка. И немного усердия. Все, что нужно для чистоты.

– Безумно интересно, но... – вклинилась я в его высокомерные философствования. – Шли бы вы уже к черту, а?

И, не дожидаясь ответа, устремилась к зданию университета.

Носить в сумке запасную пару колготок – непозволительная роскошь для меня по нынешним временам. Поэтому как есть, с драными кровоточащими коленками, я проковыляла на третий этаж нашего корпуса. Rogozin грозился устроить устный тест на первом же занятии,

а опаздывала я уже прилично.

«Последний курс, последний курс» – бормоча, словно мантру, я втиснулась в аудиторию. Каких-то несколько месяцев, и моим мучениям придет конец.

Нет сомнений, что наш профессор заметил мое наглое вторжение

– с начала лекции прошло уже двадцать минут. Но, за что люблю Алексея Николаевича, так это за такт и деликатность. К тому же он не

А кого «мы», собственно, ждем?

Клавдия Григорьевна все-таки щедро залила мои колени

«бриллиантовой зеленью». Ковыляя на подгибающихся ногах, я снова покоряла

лестницу в три этажа.

Когда я вошла в аудиторию – зеленая, словно Шрек, этакий

«детский сад, штаны на лямках» – Алексей Николаевич был уже не один. Рядом с ним, вальяжно опираясь руками и, кхм, бедрами на профессорский стол, стоял мужчина. И да, к прискорбию, это был тип из переулка. Тот самый, предлагавший устроиться к нему уборщицей!

День официально переместился из категории «средней паршивости» в «кошмарнее некуда». Я его к черту послала, да? А сейчас окажется, что это друг моего любимого преподавателя и какая-нибудь важная шишка? Да, Ласкина, с твоим везением в казино была бы любимым клиентом.

Хотя... он ведь сам начал. Нечего было пялиться, как на забавный экспонат

на выставке современного искусства.

Сейчас я мужчину лучше разглядела, потому что пока отсвечивала остолбенело на пороге, образ сам впечатывался в сознание. Растрепанные темные волосы, не длинные, но ухватить пальцами при желании можно. Стильная небритость. Лицо загорелое, но не слишком. Фигура... Хорошая, черт его дерит, фигура. Что надо фигура... Это подтверждала тонкая белая рубашка, как влитая прилипшая к телу и заправленная в джинсы. «Супер слим фит», так это, кажется, зовут.

Темно-синий клубный пиджак валялся на столе.

– А... Ну вот, так-то лучше, – пробормотал наш добряк-профессор, разглядев меня за вопиюще зелеными пятнами. – Садись.

Милана громко хрюкнула. Кто-то из ее соседок тихонько пропел куплет

про елочку, которая «зимой и летом стройная, зеленая была»...

Тип, что стоял возле нашего Алексея Николаевича, приподнял бровь, проскользил глазами от щиколоток вверх, задержался на двух огромных зеленых кругах, пошел выше... И где-то в области бедер кивнул

в знак узнавания. Дальше он глаз не поднимал. Неинтересно.

Феноменально. Он поздоровался с моим задом. Это просто...
Просто...

Да я чуть не задохнулась от унижения.

– Как я уже сказал, профессор Даррел Дрейк прибыл к нам из Вашингтона с курсом лекций. Прошу отнестись с уважением к моему давнему знакомому, который согласился встряхнуть ваши подвысохшие умы. Сегодня он будет помогать мне на устном тесте, заодно познакомится со своими подопечными поближе. Прошу не удивляться, если он захочет расспросить вас о чем-то дополнительно, и отвечать по существу.

Я не могла себе этого объяснить, но присутствие странного

«профессора Дрейка из Вашингтона» меня уникальным образом... бесило. Не Милана – к ней я привыкла и знала, как облупленную. Она никогда не строит пакостей, только говорит, пытаюсь уколоть побольнее. И даже не зеленые колготки. А вот этот... вот этот. Хам – вот, пожалуй, верное слово.

Я тихонько присела рядом с Лил, закатившей глаза на мои гоблинские колени.

– Ты просто «тридцать три несчастья», Лесь, – фыркнула девушка, пряча лицо за смолисто-черными прядями.

Мы с первого курса дружим, но в последние пару лет ее вечно все не устраивает. Как я одеваюсь, где живу, чем занимаюсь... Есть такие

люди, которые уверены, что лучше знают, как надо. Вот Лил из таких. Жутко настойчивых.

– Отменный экземпляр, – пробормотала в кулачок Лиля. – И улыбка ангельская.

Я невольно подняла глаза на хамоватого мужика. Слегка вздернув уголок губ, он оглядывал аудиторию и ровно в этот момент остановился на мне. Ухмылка стала кривее. Как так? Он опознал меня не

по филейной части, а вполне себе по лицу? Прогресс.

– А мне он больше напоминает черта из табакерки, – я отвела взгляд, потому что волосы на затылке начали уже шевелиться от пристального внимания. – Такие, знаешь, с рожками, пяточками, хвостиками и копытами. Мерзкие, гадкие и выпрыгивают всегда, когда их

не ждешь. Что он тут забыл?

Будет подменять Rogozina?

– Неа... – лениво протянула Лил, бесстыдно поправляя свой пуш-

ап так, чтобы ее единичка смотрелась хотя бы троечкой. – Будет вести отдельный курс. И нас всех добровольно-принудительно на него записали.

– Понятно... Тебя добровольно, меня принудительно.

– Ой-ей, какая цаца, – фыркнула Лиля. – Не нравится – не ешь.

Продолжить душещипательную беседу с Лилей не удалось – и слава богу. У нее был весьма странный вкус на мужчин. Это подтверждала челюсть подруги, отвалившаяся в тот момент, когда профессор Дрейк принялся засучивать рукава.

Нет, я тоже в состоянии оценить красоту мужского тела. Все эти вены, опутывающие загорелые руки. Мышцы плеч, обтянутые тонкой хрустящей тканью. Но это совершенно не спасает ситуацию, когда обладатель привлекательной фигуры – полный му-у-у... Словом, нехороший человек. «Редиска», как говорили в любимом фильме отца.

Вот наш Алексей Николаевич – глаза сами устремились к фигуре моего научного руководителя – тоже очень хорош собой. Я даже загордилась им издалека. Да, рубашка не такая модная, и вместо пиджака – джемпер невнятного оттенка. Но ростом и статью он этому

профессору не уступал.

Короткостриженные виски Рогозина уже забелила седина, голова была вовсе лысой, а вокруг глаз скопились лучи морщин. Но в остальном он был еще хоть куда. Плотно сбитый, подтянутый, широкоплечий.

Наш русский ответ их

импортному товару!

Пока я мысленно нахваливала «свое, отечественное», аудиторию прорезала знакомая трель. Алексей Николаевич вынул из кармана джинсов телефон и, уже приняв вызов, одними губами сказал Дрейку:

«Это надолго. Вызывай пока сам».

Я внутренне сжалась, предчувствуя, что разбитыми коленками мои сегодняшние неприятности не закончились. Интуиция пятой точки тут была не причем. Просто в меня с размаху врезались зеленые глаза, едва

за Рогозиным закрылась дверь.

– Ласкина, – тихо и ровно, но так, что расслышали даже мыши, произнес хам.

И, что странно – он сначала посмотрел на меня, а потом уже фамилию

выдал. И в список даже не глядел.

Лиля завистливо простонала, что на моем месте должна была

быть она. Не зря же родители наградили ее фамилией Аверьянова. Исключительно с целью, чтобы во всех списках любимая дочь стояла на

первом месте.

Черт, да я бы с превеликим с ней поменялась. Но все же поднялась со стула и принялась медленно спускаться по лестнице, чувствуя себя неуклюжим

мультяшным пандой. Сколько же тут ступенек?

Коленки продолжали саднить, напоминая о том, что к профессорскому столу сейчас идет не хрупкая невысокая блондинка, а самый настоящий зеленый Шрек. Я поспешно присела на стул, отведенный под экзекуцию, и накрыла дырки в колготках ладонями.

Дрейк занял место напротив. Нас разделил широкий дубовый стол, но мне все равно захотелось отодвинуться еще немного назад. Я вжалась всем телом в спинку стула, и тот предательски скрипнул на всю притихшую аудиторию. Иноземный гость вскинул на меня глаза, наделенные

необычной магической зеленцой, и криво

улыбнулся. Хам.

Перед ним лежал список. Дрейк машинально поглаживал подушечкой пальца звездочку, стоявшую напротив моей фамилии. Каким-то образом я умудрилась ее разглядеть. Интересно, что решил отметить Алексей Николаевич? Что я молодец и меня нельзя заваливать? Хорошо бы, потому что на сегодняшнем тесте я

откровенно поплыву – изучающий взгляд сбивал с умных мыслей.

– Кхм, Олеся Владимировна... Скажите, какие еще у вас есть бытовые навыки и скрытые таланты, кроме красочных приземлений? –

негромко выдал профессор. – Варите кофе? Что насчет кулинарных способностей?

Это и есть дополнительный вопрос, на который я должна ответить

«по существу»? Офонареть.

– Плету макраме, – фыркнула, глядя в яркие травянисто-зеленые глаза.

Они удивительным образом

гармонировали с моими коленями.

– Интересно. Хотелось бы на это посмотреть.

– Вот как? А больше вам ни на что посмотреть не хочется?! – разъяренно прохрипела я, и тут же об этом пожалела, потому что он скосил глаза на столешницу... куда-то в область напрягшихся от его внимания бедер.

– Хочется. Но я подожду, – совершенно спокойно выдал хам. – Я

вас чем-то обидел? Вы трясетесь от гнева. Разве не слышали, что это один из семи смертных грехов?

– Пфф!

– И все же, чем? Я не давал вам повода для таких бурных эмоций.

– Не давали? Да вы мне предложили работу! – тихо, чтобы никто не

слышал, прошипела ему в лицо.

– Пристойную и хорошо оплачиваемую. И вам определенно не помешают лишние деньги.

Он даже плечами пожал, настолько был уверен в своей непогрешимости.

– Вы не помогли мне встать, – припечатала я последним аргументом. – Просто продолжали бессовестно пялиться, пока я поднималась... А я ведь упала! Мне было больно!

Глаза напротив опасно сузились, взгляд потемнел. Скулы заострились, очертив поросшее щетиной лицо смелыми графитовыми штрихами. В свете тусклой университетской лампы вдруг показалось, что передо мной не профессор Дрейк, а его грубоватый и мрачноватый эскиз, в спешке нарисованный угольками.

– Разумеется, больно, Олеся Владимировна. В том и заключена истинная сила человека – самостоятельно подняться после падения. Что действительно бессовестно, так это не верить в него и предлагать свою

помощь, когда он точно может сам встать с колен.

Наружность он сейчас имел истинно демоническую. И, казалось, мыслями был совсем не со мной. Может, даже не в этом мире или времени.

Я не знала, что ответить на его сентенцию о «гордом поднятии с колен». Может, в философском смысле Дрейк и был прав (но тогда он явно ошибся факультетом). Но в сухом остатке – по-мужски и с оглядкой на общечеловеческий этикет – считался полным му-у-у... хомором, вот.

Вместо того, чтобы забрасывать меня содержимым теста – терминами из узкоспециальных бизнес-тем, – вашингтонский засранец продолжал изучать мои криминально-бытовые способности. Среди важных дополнительных вопросов были:

«Вы жаворонок или сова, Олеся Владимировна?»

«Вы храпите во сне? В какой позе спите?»

«Хорошо ли ориентируетесь в незнакомой местности и бегло ли набираете

текст на клавиатуре?»

Ответила я только на последний – к этому моменту сумела взять себя

зубной эмалью.

– Я печатаю быстро и почти без ошибок, но двумя пальцами, – машинально пробормотала, размазывая пальцем зелень по колену. Легкая саднящая боль отвлекала от желания придушить заморского хама. – Ориентируюсь плохо. Отец шутит, что у меня

«топографический идиотизм». Но не понимаю, какое это отношение имеет

переводчика-международника?

– К чему? Ах, да... – спохватился Дрейк и помял указательным и большим пальцем щетину на подбородке. – Будет неловко, если вы заблудитесь по дороге в конференц-зал, Олеся Владимировна.

– Сюда я как-то дошла, – возмущенно бросила в холеное лицо, на котором

уместной.

– Не без приключений, смею заметить.

Одним словом, к возвращению Rogozina этот черт меня достал. И едва запекшусь рану на коленке я все-таки успела расковырять от волнения.

Алексей Николаевич нахмурился, увидев меня на стульчике для экзекуции, и я виновато улыбнулась. Мол, делаю, что могу. Стараюсь очаровать иноземного наглеца. Даже ресницами хлопнула: честно-честно.

Мне льстило расположение Rogozina, и не хотелось его подставлять перед иностранным коллегой. Про нашего профессора ходили легенды: многие из его «особых» учеников становились

настоящими звездами и получали бешеные зарплаты даже по столичным меркам. Я не была уверена, что смогу достигнуть таких же невероятных успехов, но считать себя чьим-то любимчиком было приятно. Да и просто по-человечески – Rogozin был классным мужиком. Каждой порой на коже он излучал надежность, уверенность, силу. Раньше мне казалось, что они с отцом во многом похожи. Но... теперь сходств обнаруживалось все меньше.

И тем непонятнее было, как он может звать вашингтонского хама

«старым знакомым» и так по-свойски похлопывать его по спине. Впрочем, сейчас преподаватель выглядел недовольным. Я бы решила, что Rogozin злится, если бы за ним такая эмоция вообще числилась. Но он даже «неуды» ставил с располагающей улыбкой.

Алексей Николаевич отпустил меня одним кивком и вызвал строго

по списку:

– Аверьянова Лилия.

Подруга опять поправила пуш-ап и вспорхнула со скамьи певчей птичкой, пробудившейся по весне. Всем видом она показывала, что готова радовать своей трелью Дрейка снова и снова. И снова.

Сумка к концу занятий стала неподъемной, хотя конспектов в ней не прибавилось. Хотелось сгорбиться и спрятаться за отворотами короткого полупальто, но я не позволяла себе раскиснуть. Вышагивала к общежитию, как ни в чем не бывало. Будто каблуки не разъезжались на

льду, а колени, лишившиеся щита в 80 дэн,

– совсем не мерзли.

– Эй, Ласка! Постой... Где ты так грохнулась?

Нет, ну надо же! Именно в тот день, когда у меня ноги ободраны и залиты зеленкой, он решил вспомнить о моем существовании.

– Юра, привет... – проямлила, глядя в голубые глаза. Небесные, истинно

ангельские.

– Ага, привет. Так что с коленками? Ты похожа на тролля.

– Спасибо, – не удержалась я от язвительной усмешки. – Асфальт и

Клавдия Григорьевна были ко мне немилосердны. Ты чего-то хотел?

– А что, я уже так просто не могу к тебе подойти?

Нет, Юра. Так просто не можешь, и мы оба это знаем. Ты – о моей глупой трехрехлетней влюбленности, а я – о твоей привычке ей пользоваться. Говорила я это мысленно, а сама снова и снова запоем ныряла

в глаза, ставшие моим наваждением со второго курса.

– Вот, думал в кино тебя позвать. И заодно конспект по латыни попросить. Я пропустил три последние лекции, а ты же всегда

записываешь. И почерк красивый, читать приятно.

Я порылась в сумке и достала тетрадь.

– На, Юр. Только к понедельнику верни, ладно?

– Ааа... Хорошо, спасибо, – он неуверенно помялся с ноги на ногу и поправил длинную светло-русую челку, смешно выбившуюся из-под шапки

бини. – Так что по поводу кино?

И ведь непонятно ни разу, это дань вежливости или «красавЕц Юрец», по которому сохнут даже младшие научные сотрудницы, правда хочет сводить меня на фильм. Как же сложно устроен мир!

– Я сегодня вечером занята. Ко мне сестра приехала с племянником, и вот...

– Понял. В другой раз, да? – парень очаровательно улыбнулся, не слишком расстроившись.

Значит, все-таки вежливость.

Глава 2

Общежитие встретило обшарпанными стенами и деланно незаинтересованной

Илоной Ралиевной.

Местной цербершей, властительницей убогих комнатух и богиней горячей душевой воды.

– Ласкина, – она приподняла бровь, не отрываясь взглядом от маленького телевизора, встроенного в шкаф. – Мы на неделю договаривались. Завтра жду доплату.

Я поежилась от ее холодного тона. Непрошибаемая тетка. Никакая

«сложная ситуация» ей не интересна.

– Можно в понедельник?

Я взволнованно сжала кулачки. Скажи: «Можно». Скажи же! До завтра у меня лишних денег точно не появится, все строго рассчитано.

А

в начале учебной недели можно

попробовать у кого-то занять.

– Само собой. Жду в понедельник.

Я облегченно выдохнула и поплелась вверх по лестнице. По пути позволила себе заглянуть в уборную – плеснуть на лицо воды и хоть как-то отсрочить вторжение в комнату, которую своей я считать могла теперь

с большой натяжкой.

Я уперлась глазами в пыльное, мутное зеркало, месяцами не выдавшее мыльной губки. Выгоревшие на астраханском солнце

светлые волосы свисают со лба неаккуратными мокрыми сосульками. Пухлая нижняя губа искусана от волнения в кровь. Щеки лихорадит, из-за чего серые глаза кажутся почти бесцветными. А ведь на первом курсе

я считалась красавицей. Сколько воды утекло.

А впереди – встреча с сестрой. Номинально старшей, но... Ответственности в ней не было ни на грамм. Хотя Валька любила вспоминать, как в детстве присматривала за мной, пока мать с отцом ходили

в ресторан. Были в нашей жизни и такие времена.

Но «сюрприз», который она мне устроила сегодня, я даже в страшном сне бы не представила. Жизнь решила под вечер пнуть меня еще разок. Точнее, не пнуть, а так – потыкать носком безжизненно валяющееся тельце.

– Это что? – я указала пальцем на бумажный эко-пакет из «ГурманМаркта». – Валь... Я не понимаю.

– Не удержалась, Лесенок! Ну не могу я вот так, в четырех стенах, даже без нормальной еды. Ваня любит бананы, хотела его порадовать.

У меня опустились руки. Бог с ними, с бананами, но... На столе стояла начатая банка с крабовым мясом. Лежала разорванная на ломти свежайшая чиабатта из французской пекарни... Тонкими кусочками – зелеными, как мои коленки, – нарезанный авокадо... И колотый твердый сыр, аромат которого сбивал с ног. Венцом всему – початая бутылка

красного. Дорогого.

А у меня нет денег на новые колготки.

– Валь, ты все спустила?

– Не волнуйся! Я все решила. На днях я пойду в суд и подам на развод. Джад будет обязан выплатить алименты... Я все тебе верну.

Объяснять Вальке, что бракоразводный процесс с иностранцем затянется на месяцы, а до следующей стипендии еще две недели, – бессмысленно. Джад перекрыл ей кислород, заблокировав карты. А Валя

за три года в Англии привыкла к бесстыдно красивой жизни.

Я бухнулась на стул, заваленный ее мятыми юбками, сунула два

пальца в «крабовую» банку и выудила оттуда розовый ломтик. Хоть попробую, на что ушла моя стипендия. Валя с виноватым выражением на лице наполнила и придвинула ко мне керамическую чашку – ту, что с нарисованным мышонком и отколотой ручкой. Не знала кружка на своем веку таких благородных напитков.

Я покосилась на трехлетнего Ваньку, игравшего с дверным шпингалетом. Для него это просто еще одно приключение.

Эти двое свалились мне на голову внезапно. Как два беженца-погорельца, бежавшие из зоны боевых действий. Валя даже не позвонила заранее. И почему-то (ладно, я догадываюсь, почему) полетела не в Воронеж в родительский дом, а ко мне, в комнатку общежития, рассчитанную на двоих.

Повезло, что вторая койка оказалась свободной. Соседка взяла академический отпуск и поехала к родным в Липецк. Ее отцу понадобился уход после аварии на заводе, а никого нового ко мне подселить не успели.

Но даже для одной меня тут было тесно. У двери громоздились шкафы и тумбы, забитые нашими пожитками, книжками и чашками. Между двумя кроватями – проход шириной в полтора метра, и в него втиснут

стол для учебы. Словно в плацкарте.

Добавить еще Ваню, который с трудом находил себе занятие и почти не спал на новом месте. Неумение Вали пожарить картошку, не спалив кухню общежития. Отсутствие каких-либо финансов и ее склонность забрасывать одеждой мою половину жилплощади. И можно догадаться, что последняя неделя стала для меня адом местного разлива.

Но по рассказам Вали ее жизнь в Лондоне и вовсе напоминала фильм ужасов. Так что я стоически терпела.

Ее персональная сказка про принца на белом «Рейндж Ровере» разбилась... нет, не о быт. О кулак этого самого принца, оказавшегося ревнивым собственником и психопатом.

Валя была девушкой видной, улыбчивой, общительной. С детства она внушала себе и заодно мне, что мы достойны самого лучшего. А когда отец заключил первый миллионный контракт, уверилась в этом окончательно.

Сестра любила вечеринки и клубы, охотно прожигала деньги и молодость в компании длинноногих подруг-моделей и бокала

«Маргариты». Ее белокурые кудряшки весело подпрыгивали, когда она покачивала бедрами в такт музыке. В одном из дорогих столичных заведений ее и нашел Дзад Вайлд.

Пугливой ланью Валька никогда не была, наоборот, совершенно

открыто искала своей выгоды от любых отношений. Внушительная

фигура, английский акцент и неприлично длинный банковский счет входили в ее понимание «самого лучшего». Так что с Джадом они быстро

поладили.

...Она никогда не признавалась мне, что он поднимает на нее руку. Никогда! Ни разу за все три года в Лондоне! А ведь мы созванивались раз в месяц.

И вот, в первый же день приезда, пряча глаза и едва связно бормоча, она вывалила мне голую, грязную, отвратительную правду. Оказывается, Валька дважды снимала побои в местном участке. И дважды они оттуда – как по волшебству! – пропадали. Деньги видного бизнесмена Джада Вайлда решали любые вопросы.

Побег остался единственным шансом на спасение от тирана. И она прилетела ко мне. Слово я была большой и сильной, и могла укрыть сестру от этого страшного типа!

Прошла неделя, никто за Валькой не примчался. Но я боялась расслабляться. В конце концов, это так предсказуемо – прятаться у младшей сестры в комнатке общежития!

В коридоре что-то гулко скрежетнуло. Раздался грохот – кажется, в стену полетел стул. Воздух общежития разрезал рык: «Показывай комнату.

Живо!»

Вальку потрянуло, как от мини-землетрясения. Я же, наоборот, застыла. Ровно до той секунды, как в дверь хлопнулся чей-то мощный кулак.

– Открывай!

Осознание стукнуло голову тяжелой гирей. Он тут. Джад тут! Все-таки прилетел за своей семьей. И теперь ломится в мою крошечную спальню, как злобный волк – в соломенный домик глупого Ниф-Нифа.

Бах!

Бах! Бах! Бах!

Дверь готова была разлететься в щепки. Сердце судорожно сжалось до размера сушеного инжира. Процессы в организме будто затормозились. Время и пространство плыло. Сейчас он войдет, и... И дальше мозг отказывался рисовать грядущую картину. Ему просто нельзя

входить. Нельзя!

– Валентина! – рычало хриплое из-за двери. – Я забираю тебя!

Белокурые кудряшки нервно вздрогнули, Валькина голова
вжалась
в шею.

– Пусть он уйдет, господи, пусть он уйдет! – сестра забилась в
угол, губы задрожали, слезы покатались по щекам. Ваня жался к ней
перепуганным котенком.

Мне и самой было страшно. Я видела Джада лишь раз, на их
свадьбе. Валька уже была с пузом. Тогда казалось, что она вышла
замуж удачно. Лилька, моя лучшая подруга, задышалась от зависти,
изнывая от летней жары на речной прогулке. Такой идеальной парой
они выглядели.

Если бы меня попросили представить мужчину, за которым, как за
каменной стеной, то перед глазами сразу бы всплыл Джад. Он был
очень... большим и надежным. Спокойным, уверенным в себе. То ли
Валька сделала из него за три года неврастеника, то ли в нем всегда
была эта червоточина. Потому что сейчас к нам ломился псих.

– Если я не пойду с ним, он просто заберет Ваню. А я... Я так
боюсь! – прохрипела сестра еле слышно, и я присела к ней рядом.

Дверь почти срывалась с петель, грохот стоял на все общежитие.
Но никто не спешил нам помочь. Черт, да я бы и сама сидела смиренной
мышкой

под печкой, завидев издали этот
шкаф с антресолями.

– Нет-нет-нет! – причитала сестра, хватая меня за руки, будто я
могла что-то сделать.

Но что? Черного пояса я не имела, а защищаться холодным
чайником – сомнительная перспектива. Звонить в полицию было
поздно.

Еще пара ударов – и дверь сорвалась с петель, проявляя в проеме
жуткую фигуру, подавляющую своей физической мощью. Я
поежилась, некстати представив миниатюрную сестру под этим
хтоническим

чудищем. Он чем-то напоминал викинга –
русоволосый, с
небольшой бородкой, мужественной челюстью и складкой между
бровей.

– Вставай и пошли, – вдруг спокойно заявил Джад. – Я намерен
забрать

свою женщину домой.

– Не трогай ее, ты... – сипло проблеяла я, поднимаясь и влезая на
свой

страх между официальными мужем и женой.

– Отвали, Олеся. Я пришел за супругой и сыном. Моему наследнику
не место в этой конуре.

Я замерла в легком шоке. Он помнит мое имя? Почему-то от этого стало
страшно вдвойне. Но я набралась смелости.

– Если ты еще хоть раз поднимешь на нее руку...

– Не пори чушь, девчонка, – Джад хрипел с явным акцентом. – Я ни разу не сделал ей больно. Хотя этой дурехе бы было полезно. Может,
мозги бы встали на нужное место.

Валентина, Иван, – мы уходим. Дома поговорим.

Ваня дернулся, собираясь послушно пойти к отцу, а Валя жалобно заскулила. Неужели все закончится так? Он просто заберет их в Лондон, и в жизни сестры ничего не изменится?

По щекам потекли горячие слезы. Как же несправедливо! Почему в мире все решается силой и деньгами? В такие моменты особенно ярко ощущаешь, какой ты на самом деле маленький, беззащитный, ни на что не способный муравей под огромным башмаком власть имущих.

Вайлд такую, как я, растопчет и не заметит.

Когда казалось, что выход из сложившейся пантомимы только один,
в пустом дверном проеме возник
мужчина.

– Что у вас тут происходит? – проговорил он лениво, без капли напряжения
в голосе, опираясь плечом о
косяк.

– Вы?.. – я совершенно опешила.

Даррел Дрейк, гость из Вашингтона! Что он забыл в нашем общежитии? Более детально знакомился со студентками? Изучал техники плетения макраме?

– Проходи мимо, если не хочешь стать Джоном Доу, – фыркнул на него
Джад, не удостоив взглядом.

– Олеся? У тебя разногласия с этим... джентльменом? – внезапно вспомнив

поинтересовался Дрейк. про уважительное обращение,

– Да... То есть, нет. Никаких проблем, – я нервно сглотнула. – Идите, пожалуйста.

Не знаю, почему не стала просить о помощи. Может, потому, что Дрейк был хоть и статным, высоким мужчиной, но все равно не таким крупным, как Валькин муж. Джад размажет его по стене и не заметит. Тут нужно как минимум три таких Дрейка. А лучше пять.

– А если не пойду? – он надменно приподнял бровь.

Джад
нахмурился и повернул к нему мощный корпус.

– В таком случае мы немного потанцуем.

Валькин муж неспешно двинулся к выходу, напоминая повадками льва. Благодаря внушительным размерам он чувствовал себя царем зверей

в моей крошечной спальне. И
вполне заслуженно.

– Не думал, что ты вальсируешь, Вайлд. Но можем попытаться, – Дрейк прямо посмотрел в глаза «викингу», и тот ненадолго замер. Что-то во взгляде профессора ему не понравилось. Атмосфера вмиг заискрила напряжением.

– Да... – спустя полминуты согласился Джад. – Можем попытаться. Не при сыне.

Дрейк отступил спиной в коридор. Валькин муж вышел за ним. Ведомая странным импульсом, я пихнула Ваню в руки сестре и выскочила следом. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как дальше по коридору мощь схлестнулась с мощью. Они налетели друг на друга, как две гигантские ледяные глыбы в океане. Просто какое-то безумие!

Это действительно напоминало танец. Жуткий, но впечатляющий. Удар, еще удар... Джад отлетел к стене, но быстро вернулся на исходную

и рывком отпихнул Дрейка в мою сторону.

Вашингтонец пролетел мимо, за ним тяжелой походкой прошел викинг. Снова глухой грохот – Джад спиной пробил трещину в чьей-то приоткрытой двери. Из комнаты соседок послышался визг. Желавших посмотреть поединок не обнаружилось.

Они друг друга стоили. Я замороженно смотрела, как натягивается белоснежный слим-фит на порывисто дышащей груди. Как облегает тонкая ткань напряженные мышцы на руках. Не надо никаких пятерых Дрейков,

и даже трех... Хватит и одного.

Зубы уже отбивали чечетку. Это происходит на самом деле? Они дерутся

из-за меня? Эти два хищника?

Я одернула себя. Причем тут я? Они схватились из-за Вальки и ее сына. И все равно казалось странным, невероятным... Неужели хам из Вашингтона не так отвратителен, и человеческие ценности ему не чужды? Сейчас он виделся мне с другой стороны. Любой бы на его месте, увидев масштабы личности Джада Вайлда, потрусил бы мимо развороченного дверного проема.

Какое ему, казалось бы, дело до малознакомых перепуганных девиц? Вряд ли он преследует какой-то интерес. Или все же?... Некстати вспомнился его взгляд через всю аудиторию, направленный четко на меня, и тихое, но одновременно звучное: «Ласкина».

Да нет, не может быть!

Дрейк в обнимку с Джадом снова пролетели мимо и впечатались в выставленный кем-то в коридор книжный стеллаж. Послышался неприятный хруст. Господи, пусть этот будут просто полки, а не чьи-то кости!

Я зажмурилась, а когда открыла глаза, поняла, что хищники расцепились и покинули кучу обломков. А я каким-то образом оказалась между ними. Тонкая преграда, которую можно сломать так же легко, как книжную полочку.

Я испуганно пискнула, и Дрейк, мгновенно сориентировавшись, рванул меня за локоть в сторону. Почти тут же в том месте, где стояла я, рубанул кулак Джада. Это было близко. Невероятно близко. Я задохнулась от ужаса. Сердце норовило выскочить из груди. В полете я все-таки приложилась о дверной косяк бровью. Но это такая мелочь в сравнении

с тем, что могло...

Действительно ведь, могло.

Дрейк оттеснил Валькиного мужа дальше в коридор и нанес несколько быстрых, точных ударов. Пока Джад, притулившись к стене, приходил в себя, вашингтонский профессор вернулся ко мне и втащил обратно в комнату. Ощупал лицо, провел рукой по брови. Зачем-то попробовал мою кровь на вкус, слизнув с подушечки пальца. И порывисто выдохнул.

– Олеся. Ты должна решить. Сейчас.

Голос его был хриплым и запыхавшимся. Но ни царапин, ни синяков – это я поняла при беглом осмотре. Глаза невольно изучали его лицо – подбородок, сейчас казавшийся мужественным, графичный рисунок скул, недельную щетину, грубовато очерченные губы. И пронизывающий

рентгеном зеленый взгляд.

– Что... решить...?

Я растерянно помотала головой, пытаюсь найти глазами Вальку с сыном. Они сидели под столом, зажавшись в угол. Сестра закрывала мальчику глаза. В моем горле вырос объемный ком, состоящий из ужаса, слез и ежиных колючек.

– Ты хочешь, чтобы он ушел? Джад Вайлд? Чтобы оставил твою сестру и племянника в покое и больше никогда не появлялся на этом пороге?

До меня вдруг дошло, что он говорит на чистейшем русском. Без акцента

английском был! даже. Что за чертовщина? Ведь тест на

– Что? Да... то есть... конечно, хочу, – прошмыгала я, размазывая по

щекам тушь.

– Я могу помочь.

– Можете? – я недоверчиво нырнула в зеленые глаза.

Они всем видом уверяли, что да, он способен заставить страшного человека,

выломавшего дверь, исчезнуть из моей жизни.

– Я все могу, Олеся, – подтвердил Дрейк пугающие выводы. – Но тебе

нужно попросить меня об этом.

До чего же странный тип. Невозможный просто. В такой момент затевает какие-то идиотские игры.

Джад, судя по негодующему рыку, пришел в себя. Он снова показался на пустовавшем пороге, заслонив собой весь дверной проем. Валька жалобно завывала и прижала ошарашенного сына к себе еще крепче.

– Я... прошу, – судорожно закивала, возвращаясь к колдовским глазам.

– Помогите, пожалуйста. Я

очень прошу!

Дрейк внимательно посмотрел на меня, заглядывая, казалось, в самую душу. А потом вдруг поцеловал. Грубо, нетерпеливо смял губы и решительно вторгся языком на запретную территорию.

У него был непривычный вкус. Соленый, морской, насыщенный... Истинно мужской. Чужой! Я возмущенно замычала, и он резко оторвался.

– Не забывай, Олеся. Ты попросила сама.

Что-то опасное мелькнуло в его остром, подернутом черной дымкой взгляде. Я нервно кивнула, и он бросился на Джада, переводя драку в коридор. А через пару минут грохот послышался уже на улице.

Меня било дрожью. Дурное предчувствие точило, отравляло изнутри. Обхватив себя за плечи, я сверлила невидящим взглядом темноту за окном. Свет фонарей, отражающийся от зеленых мусорных контейнеров. Заснеженные крыши машин на парковке соседнего дома.

Пустую

детскую площадку через дорогу.

Почему-то смотреть на сжавшуюся под столом в комок сестру не хотелось. С ней все будет в порядке – теперь я знала это точно. Мне пообещал странный мужик из Вашингтона.

Мучительные двадцать минут я стояла спиной к коридору и ждала скрипа открывающейся двери. Дурочка. Ее же выломали с корнем! А я

успела забыть. Поэтому я едва не подпрыгнула, услышав прямо за спиной хриплое: «Что ж, Олеся...».

Он вернулся один. Как и обещал. Целый, невредимый и чем-то будто даже удовлетворенный. Только прямой, цепкий взгляд светился усталостью, без привычных искр и червоточинки.

– Поговорим об оплате? – спокойно бросил Дрейк, ничуть не стесняясь

свидетелей.

Правда, сомневаюсь, что Валька сейчас что-то замечала.

– О чем? – обреченно пролепетала в ответ.

Я не удивилась, нет. Как будто еще с его выхода в коридор ждала этого

разговора.

– Ты молила о помощи. Я помог. Думаю, я заслужил небольшую награду.

– Что вы хотите? – сдавленно прошептала я, с неприязнью, пусть и поутихшей в стрессовый момент, поглядывая на странного типа. Почему-то теперь он пугал меня больше, чем Валькин муж.

– Это мы обсудим позже. Сейчас ты попрощаешься с сестрой, успокоишь ее и скажешь, что пойдешь со мной. Я буду ждать тебя внизу. Черный седан. Не советую испытывать мое терпение, Олеся. Мое время очень дорого.

...Я заторможено села к нему в машину. Обычный, современный, отполированный до блеска черный седан, марки я не заметила. Дверь он мне не открыл: просто сидел за рулем и ждал, будто не сомневаясь, что я покорно залезу внутрь. И я залезла. Потому что не понимала уже ничего и тряслась от страха.

Валькин муж будто сквозь землю провалился. Что сделал с ним профессор из Вашингтона? Как убедил не возвращаться за женой и сыном? Может, у него и оружие есть. Да даже если и нет... Я видела, как летал «викинг» от стены к стене. Это временно отбивало охоту перечить. Чувство самосохранения кричало, что для меня безопаснее не спорить с этим типом. А просто залезть к нему в машину и выслушать требования.

Он сунул ключ в зажигание, двигатель тихо заурчал, и мы молча тронулись с места. Я сидела на переднем пассажирском кресле так прямо

и напряженно, будто проглотила

железный прут.

– Пристегнись, Олеся, – не глядя на меня бросил Дрейк и выкрутил руль, выезжая на оживленное шоссе. Мы все дальше удалялись от общежития. Ехали, к счастью, не в лес, а в центр.

– Куда мы? – сипло прошелестела я, буравя глазами лобовое стекло.

– Ко мне.

Желание расспрашивать дальше у меня резко пропало. Во что я вляпалась? Господи, я ведь действительно попросила его об услуге. А вдруг он какой-то криминальный авторитет? Работает на «крестного отца»? Как в их кругах отдаются долги?

Плавая в тумане пугающих мыслей я не заметила, как мы припарковались у свеженькой высотки в престижном районе. Дрейк заглушил двигатель, вышел и направился ко входу в здание. Мне полагалось бежать следом.

Улыбчивый консьерж, подобострастно восклицающий: «Мистер Дрейк, рад видеть! Приятного вечера!». Лифт, издающий «Дзыннь». Мое бледное лицо с огромными перепуганными серыми глазами, отражающееся от зеркальной поверхности. Очередное «Дзыннь», сухое «Нам туда», ковер, смягчающий ровный стук шагов Даррела Дрейка... ведущего меня за собой в его квартиру на четырнадцатом этаже.

Я запомнила, потому что эта цифра въелась в мою память вместе с

оглушительным «Дзыннь».

– Перейдем сразу к делу, – Дрейк сунул мне в руку стакан с ледяной водой. – Поскольку твоя душа теперь официально принадлежит мне...

– Чего?! – я поперхнулась, потому что успела сделать глоток. – Вы в

своем уме? Какая душа?

Я будто отмерла – впервые за всю поездку. Какая, к чертям, душа?

– Пришла в себя? Прекрасно. Я уж волноваться начал. В первые часы при передаче души в чужое владение могут возникать странные ощущения. Апатия, покорность, шок... Ты быстро справилась, молодец, – похвалил непонятно за что Дрейк. – Твоя душа, Олеся, чья же еще. Ты мне ее продала.

Я испуганно попятилась и уткнулась лопатками в запертую дверь. Он попросту сумасшедший. По профессору из Вашингтона плачет

психушка.

– Давай сэкономим время, Олеся. Ты позволишь?

Не дожидаясь ответа, он подошел и обхватил мое запястье, зажав место «пульса» большим пальцем. От точки, которой он коснулся, побежали странные золотистые дорожки. Будто хитросплетенные венки засветились под кожей божественным огнем.

– Это твоя душа отзывается на зов владельца. Теперь ее хозяин я, ты – просто сосуд. Так будет, пока я не верну тебе ее обратно. Контракт на месяц меня устроит.

Глаза Дрейка полыхнули тем же золотом, что венки под моей кожей. Какого черта?! То есть... Именно черта, ведь так? Он не криминальный авторитет. Он самый настоящий...

– Демон Ада. Да, Олеся, очень верные размышления.

Меня накрыла истерика. Тоже самая настоящая. Хотелось судорожно глотать воздух, кататься по мягкому ковру, поджав ноги в коленях, и нестерпимо громко хохотать.

Я попросила о помощи черта.

Я. Попросила. О помощи. Черта!

Офонареть. Лил права, я «тридцать три несчастья». Почему-то я сразу поверила, что это никакие не спецэффекты.

А рога у него имеются? А хвостик? Ужасно захотелось это проверить. Нервное, конечно. Истерика у меня. Демон в моем

университете! Ну и жуть.

– Выразаться не обязательно. Рогами не обзавелся... Что до хвостика, Олеся, – может, и покажу. Посмотрим на твое поведение.

Гад! Самодовольный, высокомерный гад! Не симпатичный даже.

И глаза цвета скисшего болота. И прическа отвратная...

– Олеся, ты специально думаешь про меня гадости? Детский сад какой-то! – буркнул черт безрогий, отвернулся – обиженно? – и пошел в гостиную.

В квартире было стерильно и совсем не уютно. Ее обставлял стилист с тем, чтобы будущие владельцы добавили в нейтральную серо-бежевую гамму ярких акцентов и домашних деталей. Но, видимо, у нынешнего хозяина представления о комфорте были специфические, и он не стал воплощать их в жизнь. Мне представились пышущие жаром

сковородки, кипящие котлы...

– Прекращай. Или я немедленно займусь твоим просвещением.

Прозвучало опасно, и я приостановила поток нервно-истеричного сарказма

в своих мыслях.

– Я поясню тебе все только один раз, так что слушай внимательно,

– сдержанно сказал Дрейк и кивнул на кресло, предлагая мне его занять.

Глава 3

Величественным монолитом Дрейк стоял посреди просторной гостиной, настолько же пустой, насколько и моя обесточенная голова. Умные мысли в ней не задерживались, прогоняемые бессмысленным:

«Как же так, как же так, как же, черт возьми, так?!»

– Ты попросила об услуге Демона Ада, – выдал, наконец, после минутного молчания этот... черт. – Желая этого всем сердцем и всей душой. Поделилась со мной своей кровью и наградила поцелуем. Это древний

законный способ заключать контракты, но все еще

– Вы разве не должны были предупредить о продаже души? – неуверенно пробормотала я, лихорадочно пытаюсь вспомнить все, что происходило в общезитии. Я была в таком состоянии, что могла и не расслышать условий сделки. Или не могла, и никаких условий он не выдвинул?

Дрейк сощурился. Наклонил голову. Скривил губы в едва заметной ухмылке. Не было никаких условий... Да он развел меня, как пятиклассницу! Воспользовался стрессом, выбил из меня слезливую мольбу, украл кровь и поцелуй... А может, с самого начала подстроил эту ситуацию? Уж больно вовремя оказался в общежитии!

– Это был обман! – пылко заявила я, скрестив руки на груди.

– Свою часть сделки я выполнил честно, Олеся. Джад Вайлд навсегда исчез из твоей жизни. Он никогда не появится на пороге твоей спальни, – Дрейк расслабленно упал в кресло напротив. – А теперь поговорим об оплате моих трудов. Как я и говорил, мне нужна ассистентка.

Помощница в бытовых вопросах.

– В бытовых? – заторможенно переспросила я.

– Я весьма требователен к чистоте и чту традиции. А ты отлично смотришься на коленях. Я уже говорил, что удовлетворявшая моим запросам помощница внезапно канула в Лету?

Я скосила глаза на ковер. Пушистый. Мягкий. Пожалуй, единственная уютная деталь в квартире. Что там Милана говорила про

пол в кабинете Веденеева и мои колени?

– Брось, Олеся. Я пока еще себя уважаю, чтобы принуждать кого-либо со мной спать. Обычно девушки делают это добровольно. Я называю вещи своими именами. Помощница – это помощница.

То есть никакого интима, только бизнес? Бытовой такой.

Пылесобирательный.

– Никакого, предусмотренного контрактом.

Интересная поправка... Этот черт что же, думает, что между нами может случиться что-то, договором не предусмотренное? У меня

– вот с ним? С безрогим, но хвостатым? Увольте! Да он даже не в моем вкусе...

Наверное. А даже если и в моем...

– Давай ты подумаешь об этом позже?

– Вы всегда будете читать мои мысли?

– Упаси боже! – картинно закатил глаза к небу Демон Ада. – Просто при заключении контракта я настраиваюсь на волну «клиента», чтобы лучше понимать его желания. Завтра эффект пройдет, и думай все, что хочешь. А сейчас... не проверяй на прочность мое терпение.

Он встал, вышел в смежную комнату и через минуту вернулся с

бумагой. Обычной самой. Распечатанной на принтере.

– Вот. Подпиши. Твой контракт. В нем прописаны условия возвращения души и услуги, которые ты мне будешь оказывать в течение месяца.

Я бегло изучила документ. Ну да... Судя по контракту, ему действительно просто нужна уборщица. Никаких угрожающих жизни, здоровью и безопасности приказов. Никакого принуждения к интиму. Исключительно поддержание порядка и чистоты, варка кофе, готовка завтраков, мелкие поручения – передать, принести... Смуцал только один пункт.

– «Отказ выполнить приказ карается увеличением срока службы вдвое»?! Это как? – от переизбытка эмоций я вскочила с кресла.

– Ровно так, как написано. Откажешься выполнить любую из моих просьб – законных, предусмотренных контрактом, – будешь вместо месяца работать два. Откажешься выполнить вторую – четыре. Третью...

– Восемь?!

– Мне не нужна строптивная ассистентка, которая воротит нос от крошек на полу. Приказ есть приказ. Подписывай, если тебе нужна

твоя душа. Если нет – я ей и сам могу найти применение...

Бровь саднила, и эта монотонная зудящая боль затмевала собой и ноющие до сих пор колени, и прочие воспоминания об ужасном дне. Стоило прикрыть глаза, я видела кулак Джада. Огромный, каменный, размером и тяжестью сравнимый с древним чугунным утюгом. Он теперь что, в кошмарах мне являться будет?

Я сглотнула: все же обошлось, да? Ну, в некотором роде.

Дрейк снова куда-то вышел, на этот раз, кажется, на кухню. В моих пальцах до сих пор был зажат контракт. Как один невзрачный лист формата А4 может настолько поменять жизнь человека?

– Вот. Приложи пока к лицу, Олеся. Надо снять отек, – сухо бросил возвышающийся надо мной демон Ада. Так ведь он себя назвал?

Скромненько и со вкусом.

Он протягивал мне пакет с какой-то овощной заморозкой, обернутый в кухонное полотенце. Машинально прилепив холодный сверток к левой половине лица, я снова всмотрелась в контракт. Если меня чему и научил отцовский опыт, так это внимательно изучать все, написанное

мелким шрифтом. На удивление, в договоре все буквы были одинакового размера, и даже лупа не понадобилась.

– Я правильно поняла: я месяц прибираюсь у вас в квартире, жарю по утрам яичницу с беконом, мою окна, готовлю сэндвичи для перекусов между лекциями... – я хмыкнула, подумав, что этим всем, пожалуй, занимается какая-нибудь идеальная американская жена-домохозяйка. – Что там еще? Перестилаю постель, стираю... Глажу эти ваши слим-фиты... – глаза невольно проехали по ткани, обтягивающей рельеф дьявольского (или дьявольского?) плеча. – А потом вы возвращаете мою душу на место, все так?

– Она и так на месте. Но, в целом, ты верно уловила суть. Через месяц я верну тебе право ей распоряжаться. Надеюсь, к тому времени моя пропавшая помощница найдется.

– И ничего «такого»? – я нервно переступила с ноги на ногу.

– «Такого» – только если сама попросишь, – спокойно проконсультировал мой будущий босс и даже бровью не повел.

– Мечтайте! – возмущенно фыркнула я и, растратив последний запал, почувствовала опустошение.

Я вяло опустилась в кресло. Этот день прокрутил меня в мясорубке и старательно выжал из фарша сок, оставив сухой жмых.

Он убил внутри последние силы сопротивляться. Не было энергии даже удивляться, не то что спорить и что-то аргументировать.

С самого утра казалось, что хуже быть не может, но Этот День не переставал меня удивлять. И вот, венцом всему, я сижу напротив Демона Ада и держу в руках бумажку, подписав которую я добровольно заключу себя в воображаемые кандалы. Сколько раз за месяц он поставит меня на колени и заставит чувствовать себя рабыней?

А какие у меня варианты?

В этом пугающем тоннеле едва брезжил лучик надежды. Далекое-далеко, неуловимо. И никаких табличек с надписью «Запасной выход» не предвиделось. Я справлюсь. Перетерплю этот месяц и верну свою душу, которую так неосторожно выменяла на услугу.

В конце концов, если бы не Дрейк, Валька уже летела бы с Ваней в Лондон. А так у них появился шанс на нормальную жизнь. И, если черт из вашингтонской табакерки не врет, Джад Вайлд больше не появится в моем общежитии, оставив своей жене право выбирать. Месяц драить полы за счастье сестры и племянника? Ладно, это не самая

высокая цена.

– Кровью? – хрипло уточнила я.

– Любой телесной жидкостью.

Я растерялась и, кажется, покраснелась.

– Можешь просто облизать палец и приложить к листу, – снисходительно пояснил чертов демон.

Господи, ну я и идиотка. Я провела подушечкой пальца по губам, чуть погрузив ее в рот. Дрейк не отрываясь следил за мной, из-за чего вся эта процедура выглядела интимной и какой-то... волнительной. Оставила отпечаток на листе, и тот вспыхнул золотом, впитываясь в бумагу.

Сомнений быть не могло. Я только что заключила контракт с парнем из Ада.

Дрейк забрал у меня подписанный контракт, и опустевшая рука безвольно упала на разбитые колени. Я тихонько охнула. Теперь мне нужна новая мантра. «Последний курс» больше не работает. «Один месяц, всего один месяц» – как-то так. Страшно даже подумать, чем мне все это грозит.

– Теперь ты живешь здесь.

– Чего?! – я снова вскочила с кресла, да так резво, что оно качнулось. – С вами? В одной квартире?

– Я тебя пугаю? – му-у-у...жик приподнял бровь будто-то бы в удивлении.

Так себе актерская игра. На три с плюсом.

– Да не то слово! – я взмахнула руками, пытаюсь жестом объяснить, насколько сильно этот тип приводит меня в ужас.

– Мне нравится твоя честность. Это правильная стратегия, Олеся.

Ложь я не приемлю.

– Сказал черт, обманом вынудивший меня продать душу! – кресло снова покладисто скрипнуло, принимая меня обратно в свою уютную мягкость.

– «Сдать в аренду». Вынужденная мера. Поверь, я и сам не рад, – он потер бровь и слегка улыбнулся. На дне зеленых глаз мелькнула насмешка. Врун. Гад. Хам! – Будешь приходить ко мне в квартиру после занятий. Ночевать тоже будешь тут, как я уже и сказал.

– Но... зачем? В контракте не было ничего о...

– О?

– О ночевках. С вами, – выдавила тихонько и внимательнее огляделась.

Бесстыдно просторная гостиная, коридор на кухню, ванная... и всего две двери. Одна ведет в кабинет, это я уже выяснила. Значит, вторая в спальню. Единственную. Здесь нет гостевой.

– Сейчас я руковожу сложным проектом. Крайне для меня важным. Я часто работаю по ночам, и мне бывает нужен... «допинг», – скованно пояснил демон.

– Кофе и сэндвичи? – с надеждой спросила я.

– И это в том числе. Но не только. Со временем ты все поймешь, – он глухо кашлянул в кулак, и у меня по пояснице проскакал полк мурашек. – Просыпаюсь я до рассвета, и... Словом, в твоих интересах быть уже здесь. Если ты, конечно, планируешь хоть иногда спать сама.

Он развел руками, словно интересуясь, планирую ли. Я робко кивнула. Сон я люблю, умею, практикую.

– До учебы ты обязана успеть прибраться. Тут должно быть чисто. Всегда, – он строго сдвинул брови. – Никаких крошек и следов от чашек. Ненавижу.

– Вам бы в ангелы податься... – не удержалась от шпильки. – Там, говорят, чистота.

– Врут. Там так же, как и везде, – Дрейк пожал плечами, словно действительно знал, о чем говорил. – Начнешь сейчас. Уборщицы нет уже третий день. И эта пыль взрывает мне мозг. Тряпки и таз найдешь в ванной.

Вот и все. Мое бытовое рабство началось. Но, ей богу, оно было какое-то странное. У меня украли душу, чтобы заставить стереть пыль. Где такое видано?

– Взяли. В аренду, – сквозь зубы поправил черт, так и не переставший копаться в моих мозгах.

Небольшой белый тазик и кислотно-салатовая тряпка нашлись в тумбе под раковиной. Может, и неплохо сейчас отвлечься на рутинные действия. Против чистоты я ничего не имела, а в квартире, действительно, скопилась пыль.

Я развела в тазу средство для деревянных полов, смочила тряпку, вышла с ней в коридор и глянула на свои колени. Они были уже на такие зеленые, но все еще ободранные. И болели. Медленно опустилась на них, стараясь сильно не надавливать. Ох, черт! По щеке стекла непрошенная слеза, нос защипало. Да, день сегодня невероятно отвратителен. Начался на коленях и закончится так же.

– Стой, – фыркнул Дрейк, накрывший меня своей тенью.

Он нагнулся, схватил меня под локти и поднял с пола. Я ошарашенно ойкнула, потому что ноги оторвались от паркета, и я взмыла в воздух. А затем пятой точкой приземлилась на комод. И снова – ой!

Сердце отбивало чечетку. До пола теперь было больше метра. Я замерла перепуганным зайцем и во все глаза смотрела на черта. Что он задумал?

Дрейк приблизился и уперся кожаными ремнями в мои судорожно сведенные колени. Погладил шершавой ладонью щеку, не отрывая от меня пронзительный зеленый взгляд. Под его пальцами заискрило. Я качнулась, на секунду утратив контроль над мышцами. Черт придержал

меня за плечо, не стирая насмешки с лица.

– Та чашка с мышонком очень тебе подходит. Разрешаю принести сюда, – прошептал мужчина и положил две ладони на мои ноги. Я затаила

дыхание и нервно сглотнула.

Коленки лизнуло теплом, которое почти сразу растворилось где-то под кожей. Сердце гулко отбивало секунды: одна, две, три, четыре... Выдох! Он убрал руки и отстранился. Вид черт имел довольный. Будто вовсе не шупал меня, где не положено, а доброе дело делал!

Тыльной стороной ладони Дрейк смахнул прядь, нависшую над моей многострадальной бровью. Кожу снова мазнуло теплом, которое быстро сменилось прохладой. Что он вообще творит? Почему так нагло трогает, будто имеет на это право?

Я уже хотела возмутиться, как взгляд упал на колени. Дыры на колготках зияли там же, где прежде. Но ссадин и синяков не было. Чистая, светлая кожа. Ровно такая, какой она была до эпического утреннего падения на лед.

Мне и за эту «божественную милость» придется заплатить? Чем на

этот раз? Почкой?

– Не придется, Олеся. Выдохни. Ну, чего сидишь? – строго выдал Дрейк, без церемоний стаскивая меня с комода. – За уборку!

– На выходных ты здесь круглосуточно, – прохрипел Дрейк откуда-то из-за спины. Из чего я сделала вывод, что коридор он не покидал ни на секунду.

Все это время я стирала с паркета невидимую, одного его

беспокоившую пыль. На самом деле, я не питала иллюзий, что вашингтонский черт из вежливости и такта (три «ха-ха») сжалится надо мной. Что не будет делать и без того неловкую ситуацию еще более неловкой.

Не питала, да. Потому что последние полчаса я пятой точкой ощущала жгучий зеленый взгляд. Не метафорически, а вполне конкретно. Он будто поглаживал, щекотал... Словом, мне хотелось заползти под какое-нибудь кресло и спрятаться там застенчивой мышкой.

Вот же... гад!

И про выходные он намекнул не зря. Завтра суббота, стало быть, мы с ним заперты под одной крышей на 48 часов.

– Захочешь уйти – отпросишься, – бросил хрипкое в мой затылок. Или куда он там смотрел. Вот туда и бросил. – Спать будешь на диване в гостиной. Комната у меня одна, а постель я делить не привык.

Я зависла над очередной паркетинкой и облегченно выдохнула. Ну и слава богу, что не привык! Я, между прочим, тоже. Вообще ни разу

ни с кем не ночевала.

«И не стремлюсь!» – погромче проорала в мыслях, в надежде, что его телепатический локатор все еще настроен на мою голову так же, как глаза – на совсем другое место. Боги, да он мне скоро дыру на юбке

прожжет. Или она сама сгорит. Со стыда.

– Я услышал, – хмуро признал Дрейк и зашагал в гостиную. – Сегодня коридором можешь ограничиться. Это был тест-драйв.

Офонареть. Почувствуй себя электрошваброй. «Три года гарантии, тест-драйв бесплатно!»

– Ложись спать, Олеся. В шкафу должен быть плед..

Дрейк ушел в единственную спальню и плотно прикрыл за собой дверь, намекая, что диван и стопочка нерадушных мыслей в моем полном распоряжении.

Я распрямилась и машинально направилась в ванную. Прополоскала тряпку, повесила на горячую трубу. Слила мыльную воду из таза. Умылась. Когда есть план действий, все не так уж и плохо. А что дальше?

Внутри меня царил полный раздрай. Я позволила себе впервые за адский денек снять туфли и босиком пройти по ворсу ковра. Уперлась руками в подоконник и глубоко задумалась.

Я застряла тут на месяц. Вот прямо тут, в этой неуютной гостиной с ровными серыми стенами и бежевым диваном, обтянутым

лаконичным хлопком. В совершенно чужой, негостеприимной квартире.

Я. Застряла. Тут. На месяц.

Господи! Это все по-настоящему?!

Накатила паника. Я начала задыхаться. Судорожные вдохи скребли легкие, мне не хватало кислорода. Хотелось царапать горло и пинать все вокруг.

Я обхватила шею ладонями и принялась мягко растирать кожу, старательно фокусируя взгляд на ярких точках в темноте за окном. Надо просто успокоиться, и кислород вернется.

Огоньки манили, звали. Я шла к ним навстречу – не телом и не плененной душой, но хотя бы мыслями.

Вдох, выдох... Я давно научилась справляться с приступами. Со мной такое уже случалось несколько раз в детстве, но астмы врачи не выявили. Списали на нервное. Даже удивительно, что меня накрыло не

во время драки в общежитии, а сейчас. Стало быть, та ситуация безвыходной мне не казалось. А теперь накатывало ощущение западни. Крошечного пространства, в которое заперли мою свободную волю, желания, право выбирать.

Что-то сродни клаустрофобии. Мне было невыносимо тесно в этих дорогих апартаментах. В гостиной, превосходящей мою комнатку-плацкарт раз в десять или двенадцать.

Вдох, выдох... Удушье отступило, кислород насытил расправившиеся

легкие. Дверь спальни тихонько

скрипнула и с мягким щелчком закрылась. Он выходил? Смотрел на меня? Наслаждался триумфом? Радовался, что удалось напугать меня до дрожащих пальцев и панической атаки?

Я. Застряла. Тут. На месяц.

С чертом. В одной табакерке! Правда, к ней прилагался роскошный

вид, но этим все прелести и ограничивались.

Напротив места моего заточения сплетением желтых и зеленых огней горела «Москва-Сити», упираясь яркими макушками в черный небосвод. Огромные панорамные окна чертовой квартиры позволяли охватить картину целиком. Правда, даже с четырнадцатого этажа строения казались такими величественными, такими недосыгаемыми, словно в них жили сами боги. Где-то там в пентхаусе небоскреба вполне

мог располагаться истинный Олимп.

Я медленно набрала в легкие воздух и замерла. «Только месяц». Офис моей мечты тоже был там, где-то в этом гигантском сверкающем муравейнике.

«Лингва Юниверс» переехала за реку перед новогодними праздниками. Алексей Николаевич жаловался на бешеную стоимость аренды, но, как выяснилось, его компания вполне могла себе это позволить. Возможно, я сейчас смотрела на окна своей будущей работы.

Правда, пальцы до сих пор ныли от непривычного ручного труда, а от кожи пахло средством для паркета. Все это нещадно возвращало меня

к мыслям о работе нынешней.

Что он все-таки имел в виду под ночным «допингом»? Совсем ведь не то, о чем я так некстати подумала? И не удивлюсь, если в этот момент покраснела до кончиков ушей. Да нет... Контракт ведь не подразумевает.

«Такого» – только если сама попросишь» – отдалось густым хрипом в голове. Сложно представить, что должно произойти, чтобы я попросила

об этом демона ада.

Да что вообще может быть у черта за важный проект?! И зачем он приехал в мой университет и прикинулся профессором? Думать об этом сейчас не хотелось. Этот день выпил меня. Залпом, до дна, не закусывая. Оставил лишь перепуганную оболочку, которой пора было придать горизонтальное положение.

Как демон и сказал, в шкафу нашелся темно-синий флисовый плед. В остальном же мне предлагалось ночевать в спартанских условиях – ни подушки, ни постельного белья. Но котлов со сковородками

поблизости тоже не было, так что грех жаловаться.

А еще... В квартире было тихо. И я неожиданно поняла, что смогу заснуть – даже при всей своей нелюбви к новым местам. Впервые за неделю я глядела в потолок и слушала собственные мысли, а не лязганье шпингалета, с которым играет Ваня, и не причитания Вальки.

Стыдно признавать, но жалобы сестры меня порядком утомили. Приходилось каждый раз напоминать себе, что она, а не я – жертва обстоятельств.

Наверное, останься на ней хоть какие-то ссадины или синяки, мне было бы проще. Но Валька выглядела вполне цветущей, а племянник – живым, всем довольным мальчуганом. Все мое существо противилось

жалости и кричало о подвохе, но я никак не могла нащупать разгадку. Понять причину собственного совсем не родственного равнодушия. Нельзя так. Мы же семья.

Спустя пять минут я совершила еще одно неприятное открытие. Диван был отвратительным. Просто пыточный агрегат какой-то, созданный

специально для адских мук!

Еще полчаса попыток найти хоть сколько-нибудь удобную позу не привели к успеху. Фыркая и посылая в небо возмущенные мыслеобразы, я сползла на мягкий ковер, укрылась пледом, подложила ладони

под щеку... и отключилась.

Глава 4

Меня разбудила тупая боль в шее. Мышцы выражали бурный протест против спонтанной ночевки на полу. Надо в следующий раз

озаботиться хотя бы подушкой. Диван показал себя как полностью негодный, так что спать прилудной дворняжкой на коврикe мне предстоит весь месяц.

В свете отданной черту в ломбард души и внезапного бытового рабства это казалось не самой крупной моей неприятностью, так что я даже жалеть себя не стала. После прогнувшейся до пола пружинной кровати в общежитии, которая натужно скрипела при каждом повороте и будила мою соседку, мягкий ковер был не самой плохой альтернативой. Просто нужна подушка или что-то в этом роде.

И еще массаж. Боже, как же хотелось ощутить сейчас на плечах умелые руки с шершавыми пальцами, разгоняющие тепло по коже и ласково

разминающие шейные позвонки...

– Свари кофе, Олеся, – раздалось чуть осиплое откуда-то сверху, и я

в ужасе подскочила с пола.

Дрейк стоял у окна, за которым серела предрассветная Москва. Уже упакованный в белоснежную рубашку, галстук и темные брюки. На спинке дивана черным пятном лежал пиджак классического кроя. Сегодня Демон Ада выглядел куда официальнее, чем вчера. Я даже на секунду

прониклась важностью его проекта.

Я спросонок потерла отлежанную щеку. И что он там от меня хотел?

– Он хотел кофе, – ответил черт.

Значит, эффект чтения мыслей еще не рассосался. Печально. И неловко. Ведь минутой ранее я думала про массаж, по степени обещанного наслаждения сравнимый с эротическим. Хотя... что я в этом понимаю?

– Я не умею, – пожала плечами и оглядела себя. Моя блузка была мятой. Ей пришлось отрабатывать пижамой.

– Хмм... Все умеют варить кофе, – он повернулся ко мне и недоверчиво склонил голову набок.

– Значит, все, кроме меня. Я не вру.

– Вижу, что не врешь, – Дрейк резко выдохнул. – Это проблема, Олеся.

Умеет он сделать утро «добрым». Зачем все так усложнять? То невидимая пыль ему взрывает мозг, то отсутствие кофе – серьезная, видите ли, проблема.

Сведенные над переносицей брови намекали, что умыться мне не дадут, и я вяло поплелась на кухню. Может, согласится на чай? Или намеренно сварить ему какую-нибудь бурду, чтобы Дрейк понял: помощница из меня так себе и вчерашний тест-драйв был не показателен? Авось и отпустит. В контракте ничего не было о том, какой именно по степени идеальности кофе я должна варить.

Лопатки щекотнуло недобрым взглядом. Пожалуй, не стоит так рисковать, учитывая, что «чертов черт» читает мои мысли.

– Умница. Верное решение.

– Я бы могла научиться, но у вас нет этой... турецкой медной штуковины, – протянула я и, порывшись в верхних ящиках, добавила:

– И кофемолки тоже.

Он что, рассчитывал, что я умею вытягивать бодрящий нектар прямо из воздуха? Черт, подвид наивный. Редкий, но все же существующий

экземпляр.

– Ладно... Потом решим этот вопрос.

Он тряхнул головой, и темные волосы упали на глаза. Дрейк отбросил их ладонью назад, да так и завис с рукой на голове, жадно всматриваясь в пейзаж за окном. Сквозь московскую унылую серость пробивался яркий рассвет, отражаясь от зеркальных небоскребов и заливая кухню розово-оранжевыми отблесками. Я тоже зависла: глаза увязли в напрягшейся плечевой мышце, так дерзко обтянутой белой тканью.

Офонареть.

– Лучше расскажи, почему ты на полу валялась? – глаза Дрейка променяли уважаемые, лоснящиеся, будто бы от масла, небоскребы

на невзрачную меня.

– Диван неудобный, – просипела в ответ, пытаюсь проморгаться.

Надо как-то заставить себя отлипнуть. Стыдно так глазеть.

– Диван как диван! – недоуменно фыркнул Дрейк и опустил, наконец, руку, возвращая мне спокойствие. – Держи.

Он достал из заднего кармана джинсов узкий конверт и протянул

мне.

– Что это?

– Аванс. Купи себе колготки.

Изумрудный взгляд упал на мои колени. Я тоже невольно опустила глаза. Колготки я вчера стянула и бросила в урну, так что

перед нами двумя предстали мои голые ноги. Без ссадин и уже без намеков

на бриллиантовую зелень.

– Вы... отпустите меня? – хотелось добавить «на волю». Со вчерашнего вечера не покидало ощущение, что я пленница в этих роскошных апартаментах с видом на «Москва-Сити».

Дрейк пару раз быстро моргнул и перевел взгляд на мое лицо.

– Ты не пленница, Олеся. Ты моя ассистентка. Думал, мы вчера прояснили этот момент, – он прочесал волосы пятерней и указал глазами на конверт. – К тому же, я поручаю тебе одно дело. Там лежит три квитанции. Из химчисток в разных концах города. Надо забрать вещи.

– Вещи?

– Пара рубашек, пиджаки, выходной смокинг... Не помню точно. Их сдавала предыдущая помощница, но, поскольку она бесследно исчезла, возвращать придется тебе.

– Почему в разных концах города?

– Откуда мне знать? Видимо, ей так было удобнее, – он пожал плечами. – Памятуя о твоём «топографическом идиотизме»... Есть шансы, что ты не заблудишься?

Я дернула плечиком и отвернулась к окну. Похоже, мне предстоял тот еще квест. Три химчистки в разных концах Москвы, в районах, где я ни разу не бывала.

Я не первый год жила в столице, но так и не научилась чувствовать себя здесь своей. Тушевалась от шума улиц, от толчеи в метро. Пугалась безобразно больших расстояний, когда приходится два часа качаться в тарахтящем вагоне, только чтобы сходить в гости к подруге. До сих пор умудрялась запутаться в перекрестьях разноцветных веток на карте и прозевать нужную станцию.

Так что вопрос черта был резонным. Как пить дать, заблужусь. А потом еще раз, и еще один.

– Вы разве не можете съездить сами? – я кивнула на окно, под которым ориентировочно располагалась парковка с его черным седаном.

– Или... ну, не знаю...

переместиться?

Сказала и хихикнула. Переместиться! Да я точно фильмов насмотрелась, раз решила, что этот отутюженный американский профессор умеет телепортироваться. Или...?

– Энергию стоит тратить лишь на стоящие вещи, – важно заявил нудный

тип. – Для остального мне и нужна

ассистентка.

– Подождите... Нет, я серьезно! У вас, у чертей, есть телепорты? В эйфории от собственной догадки я подскочила к Дрейку,

схватила его за белоснежный рукав и развернула к себе. Испугалась, тут же отпустила и разгладила ладонью примятую ткань. Черт! Я потрогала черта. Зачем, скажите на милость? Мало мне проблем, так еще

и едва знакомых мужчин

ощупываю.

На ощупь он был, кстати, самым обычным. Теплым, жестким.

Вполне человекоподобным. И все-таки, есть ли хвост?

– Олеся! – Дрейк устало закатил глаза.

Согласна. В последние сутки я сама не своя. Как рыбка Дори, у которой проблемы с краткосрочной памятью. Крайне эмоционально неустойчивая рыбка. Перепрыгиваю с одной мысли на другую, то смеюсь, то плачу, то вообще черта щупаю.

Машинально ведь. Руки сами потянулись. Это все его мышцы, их довольно приятно ощущать под пальцами... В конце концов, я же не поясницу

его изучала на предмет хвоста!

– Олеся...

– Простите, – виновато выдохнула я. – Мне самой от своих мыслей плохо, верите? Так вы умеете перемещаться? В смысле – вжик!

– и вы там. Вжик! – и вы здесь?

– «Вжик», – хмыкнул мужчина, пробуя на вкус словечко. – Да, я могу переместиться. И я не черт.

– Но? – я проигнорировала вторую ремарку. Как же не черт, когда черт самый настоящий? То, что рожек нет, еще не показатель!

– Но не буду. Несколько телепортаций вытянут половину моего восстановившегося резерва.

– Пфф...

Я ничего не поняла, но прозвучало, как не слишком убедительная отмазка.

– В Верхнем мире наши способности сильно ограничены, – снисходительно пояснил Дрейк и отошел к раковине. – На нас действуют другие законы. Во всяком случае, в том виде, в котором...

Он примолк. Плеснул из крана воды в стакан, выпил залпом. Что ж, несколько выводов за сегодня. Черти спят. Черти пьют. И, может быть, даже едят. Интересно, чем они питаются?

– Половина резерва – это ведь не весь... – упиралась я, пытаюсь переспорить

демона Ада. Ну, точно, берега попутала.

Будь на мне кроссовки и джинсы, я бы так сильно не сопротивлялась. Это всего лишь химчистки. Но бегать на каблуках по всей Москве...

– Резерв восстанавливается очень долго. Я не могу так рисковать. У меня есть враги, Олеся. Если они почувствуют слабость, набросятся, как

стая акул.

А заманчивая, кстати, мысль. Представив Дрейка на секунду героем

фильма «Челюсти», я мечтательно заулыбалась.

– О, поверь, со мной ты в большей безопасности, чем была бы с ними! – надменно рассмеялся черт, словно поймал меня на глупости. Он вышел в ванную и вернулся с каким-то серо-белым свертком. – Вот,

еще эту отдай.

Дрейк бросил на кухонный стол смятый вчерашний слим-фит. Сейчас, при свете дня и не будучи уже такой взволнованной, я разглядела на рубашке и пятна грязи, и кровь.

У чертей красная? Еще один факт в копилочку «Адской Энциклопедии».

– Она не моя.

Не его. Значит, Джада. Жив ли он? Не могла сказать, что сильно жалела громилу, выломавшего дверь в мою безопасную спальню. Но внутри зрело чувство, что произошла какая-то ошибка. Нелепое недопонимание.

Кровь означает, что дрались они по-настоящему. Меня передернуло, к горлу подкатила тошнота. Это был не спектакль. Не идиотская постановка с целью произвести впечатление на перепуганную меня.

– Разумеется, по-настоящему, – хрипло бросил Дрейк и потер свою шею. На ней был едва заметен след от огромной пятерни.

Джад что, пытался придушить этого черта? Все-таки жаль, что не сильно преуспел.

– Вымой руки, – вырвал меня из мыслей сухой приказ, и я вскинула глаза на Дрейка.

– З-зачем?

– Чтобы были чистыми, Олеся, – плотоядно улыбнулся черт, явно замисливший какую-то пакость. Вот по глазам видела. – Раз уж я по

твоей вине остался без рассветного кофе...

Я неуверенно подошла к раковине и сунула руки под воду. Пульс отдавал в виски, во рту пересохло. Что он задумал?

– Хочу преподать тебе небольшой урок, мышонок. Чтобы ты более отчетливо поняла, с кем имеешь дело.

– Это из-за химчисток? Я съезжу, без проблем.

Он отрицательно качнул головой и вытащил из холодильника

контейнер

с куриными яйцами.

– Не бойся. Я просто покажу тебе один фокус. Соедини руки лодочкой

и не разнимай.

Я машинально сделала чашку из ладоней и выставила вперед. И скривилась, догадавшись, что он собирается повернуть. Одно за другим он разбил четыре яйца, выплеснув содержимое на мои пальцы.

– Не пролей, Олеся.

– Перестаньте. Это... гадко.

– Это просто сырые яйца. В контракте был пункт про приготовление завтраков, не так ли?

– Бы-ы-ыл, – протянула я, закусив губу и усердно борясь с собственной брезгливостью.

Терпеть не могу все склизкое. Морских гадов, лягушек, сырую рыбу, яйца... Устрицы бы тоже ненавидела, но пробовать не доводилось. Как он узнал о моей фобии? Точно ведь бил в больную точку!

– Потерпи. Есть такая традиция у некоторых демонических кланов в Нижнем мире. Я, признаться, давно там не был, и немного скучаю по подобным мелочам, – задумчиво пробормотал черт и обхватил мои ладони своими. – Считаю, что я знакомлю тебя с культурой

моего рода. Так что не кривись.

Руки окутало непривычное тепло, и я вздрогнула. Слишком уж интимно – стоять вот так посреди кухни с ладонями, зажатými в чьих-то пальцах. Меня волновали теперь не столько сырые яйца, сколько прикосновения

Дрейка.

– К-какая традиция? – сипло прошептала я, чтобы хоть как-то отвлечься.

– Наутро после первой ночи, проведенной под одной крышей с демоном моего рода, канари готовит ему на завтрак мейсо, – в духе

лекции завел Дрейк. – Мейсо – это вроде жидкого омлета из яиц Шассы, клановой птицы-покровительницы.

– Кто такая канари? – голос был все еще сиплым. На меня совершенно

нездоровым образом действовали его прикосновения.

– Молодая жена. Дословно переводится как «вчерашняя невеста».

– Я вам не эта... не канарейка!

– Ты женщина, которая прошлой ночью стала принадлежать мне по закону. Этого вполне достаточно для ритуального мейсо. В конце концов, это просто завтрак, – лукаво подмигнул черт, и мои ладони задрожали, чуть не разбрызгав склизкое содержимое. – Самое интересное дальше... Канари готовит мейсо в своих руках, и только порцию на одного – для своего кана. Господина и мужа.

– В руках? Как в них можно что-то приготовить? – опешила я и вдруг поняла, что мои ладони с тыльной стороны уже пылают. – Ай! Горячо! Прекратите!

– Терпи, Олеся, – спокойно бросил черт и продолжил нагревать мои руки. Их пронизывало щекотными электрическими импульсами, кожу

било мелким током.

– Не могу! Хватит! – крикнула ему в лицо.

– Отказываешься?

– Да! То есть... Нет... Я не... – я испуганно уставилась в зеленые глаза.

В них светилось ехидство.

Отказываться нельзя. Он продлит контракт еще на месяц.

– Мне больно. Там было... Было что-то... – мысли запутались в поисках зацепки. – Про безопасность здоровью...

– Тебе не больно, Олеся. Тебе жарко, страшно и непонятно. Твоя кожа не горит, успокойся, – размеренно вещал черт. – Это другое тепло, оно рождается только в связке владеющего и принадлежащего. Такой вот забавный фокус. Смотри.

Он кивнул на яйца, которые в моих руках густели, белели и пузырились. Они превратились в омлет. Прямо в сжатых пальцах. Возможно ли это? И кожа моя действительно не обуглилась. Да твою ж чертову бабушку!

– Если представится случай, я вас познакомлю.

– С кем? – ошалело переспросила я.

– С моей бабушкой. К прискорбию, она до сих пор более чем жива и здорова, – хмыкнул черт. – Переложи в тарелку. Аккуратно.

– Вы правда планируете это съесть? – этим фактом я изумилась даже больше, чем тем, что только что пожарила яйца без огня и сковороды.

– Конечно! – недоуменно фыркнул Дрейк. – Это же ритуальное мейсо. От такого в своем уме не отказываются. Оно восстанавливает резерв,
а еще – укрепляет мужскую силу.

– Мужскую силу? – я похлопала глазами в поисках ответа на его лице. Бровь черта иронично согнулась, и до меня дошло. Я закашлялась, зарделась и профыркала: – Да ешьте на здоровье! Надеюсь эти ваши... демоницы... будут довольны. Спасибо от них можете не передавать.

Пока черт стоя уплетал мейсо, приготовленное мною в прямом смысле собственноручно, меня терзало смутное сомнение. Я провела пальчиком по грязному пятну на смятой рубашке, лежавшей на столе, и скептически прищурились.

– Вы же сказали, что все можете, – выдала после минутной паузы.

– К чему ты клонишь? – Дрейк отставил тарелку, скрестил руки на груди
и оперся спиной о рабочую кухонную поверхность.

– К тому, что вы можете исполнить любое желание.

– Я не джинн, Олеся! – Дрейк фыркнул, но как-то раздраженно. – Демон Ада. Запомни уже. Я делаю подарки, а не исполняю желания.

– Какая разница! Вы помогаете мечтам сбываться. Хоть и берете за это ужасную цену, – я скосила глаза на конверт с авансом и квитанциями. Только сейчас дошло, что внезапная работа предполагает зарплату. – Почему бы вам просто не щелкнуть пальцем и не вернуть свои рубашки из химчисток?

Профессор тяжело вздохнул. Посмотрел, как на нерадивого «почемучку», которому хочется дать ремня, но вместо этого приходится
объяснять элементарные вещи.

– Чужим мечтам. Не своим.

– У вас что, чертов кодекс какой-то? Ничего для себя? – благоговейно пролепетала я, глядя в темнеющие зеленые омуты.

– Резерв, Олеся. Он не резиновый.

– А-а-а-а... И-и-и-и?

Да, это мы, кажется, уже проходили. Рыбка Дори в голове снова махнула
хвостиком и сделала удивленные глазки.

– Не понимаю, – я тряхнула головой, застелив светлыми прядями половину

лба.

– Чего-о-о? – то ли усталый рык, то ли раздраженный стон со стороны шкафа.

– Это было моим желанием. Чтобы вы прогнали Джада.

– Ну-у-у?

– Тогда как он умудрился вас... это... – я уперлась глазами в крепкую загорелую шею, обрамленную белым воротничком. Такого еще попробуй задуши. – Вы же могли горы переставить местами, что вам один Джад!

– Много вопросов, Олеся, – сдержанно буркнул черт. – Иногда все идет

не так, как запланировано.

Могу представить. Я вот, к примеру, планировала субботним утром валяться с ноутбуком на кровати и готовить дипломный проект. А вместо этого буду шокировать московское метро своими голыми коленями

в январский мороз.

– А когда...

– Ну? Что еще? – Дрейк резко обернулся и сверкнул на меня глазами. Сейчас в них сияло золото. Страшновато. Но и красиво тоже. Солнечные искры на изумрудном фоне.

– Когда колени вылечили, вы тоже подпитались от моей души? – я убрала свесившиеся пряди за ухо и взбила пятерней волосы у затылка. Черт с интересом проследил за моим жестом.

– Какие-то претензии? – Дрейк приподнял бровь, намекая, что свой резерв наглости и надоедливости я уже исчерпала. – У меня было на это официальное разрешение. И я действовал в твоих интересах.

– Да я не в обиде, нет... Но она теперь что, дырявая?

Не то чтобы я всерьез в это верила, но убедиться не мешало. Черт знает, что с душами случается, если из них тянут энергию.

– Просто сияет не так ярко, – зеленый взгляд будто слегка смягчился, золотые искры погасли. – За пару ночей восстановится.

– А она сияет? – почему-то внутри все согрелось восторгом.

– Твоя – да. С вопросами все?

Наспех умывшись несколькими резкими движениями, я вышла в коридор. Рассматривать роскошную ванную намеренно не стала.

Плывать, насколько хороши чертовы апартаменты. Для меня это все равно клетка, хоть золотая, хоть бриллиантовая. Наслаждаться красивой жизнью я в ней не собиралась, потому что тогда получилось

бы, что я смирилась и с рабским контрактом, и с временной потерей души.

А я – нет. Остатки гордости во мне все же имеются.

Дерганной походкой я вернулась в кухню и забрала потрепанный слим-фит.

Не на того парня я вчера делала ставки, не на того...

– Я так понимаю, в химчистки мне ехать все-таки придется, – сухо выдала, стараясь не глядеть на черта, с легкой ухмылкой наблюдавшего за моими нервными движениями.

Эта его насмешливость раздражала. И менторский тон, которым он выдал мне лекцию о демоническом резерве и энергии душ. И мнимая теплота во взгляде, которым он ощупывал мои ключицы, щеки, губы, когда смотрел. И он сам целиком – тоже раздражал до ужаса.

До судороги в коленях, до сжатых кулачков.

– А ты всерьез рассчитывала меня переубедить? – бровь Дрейка взметнулась ввысь, разрезав гладкий лоб мимической морщиной. По-настоящему удивился, не напоказ.

– Не так чтобы рассчитывала... – замялась я, снова напомнив себе, с кем умею дело. А потом резко вскинула подбородок и посмотрела прямо в зеленые глаза. – Вы ведь всегда получаете то, чего хотите, так?

– Практически всегда, – хитрый прищур подействовал на меня странно. Внутри все слиплось в тяжелый волнительный комок.

– И меня?

Глаза Дрейка превратились в щелки, ресницы дрогнули, губы чуть изломились

в очередной мимолетной ухмылке.

– Ненавижу пыль, – выдал, наконец, черт.

Я закатила глаза.

Ничего нового.

– Вы же не могли с самого начала знать, что я попрошу вас о помощи, – воспротивилась я. – Что разобью бровь. Что позволю себя поцеловать.

– Мог.

Дрейк пожал плечами. Я поежилась. Он мог. Что я еще хочу знать об

этом черте? И хочу ли?

– Это моя работа. Подбирать ресурс и находить способы его заполнить. И, верь на слово, в Верхнем мире у меня репутация лучшего сборщика.

– Сборщика чего? – я машинально отступила назад, вжимаясь лопатками

в стену.

– Ресурса. Это души, Олеся. Я заключаю контракты, – Даррел поймал мой перепуганный взгляд и фыркнул. – Временные. В котлы никого

не кидаю. Это не по моей части.

Я удивлена? Пожалуй, нет. Сил не осталось выказывать изумление. Черт заключает контракты и собирает души. Ново ли это? Скорее, классика жанра.

А вот то, что души можно сдавать в аренду, заключая договора на определенный срок, пожалуй, интересно. Какой толк от такого ресурса? Зачем кому-то души во временное пользование? Странная работенка у черта, странная.

– В отличие от некоторых, кхм, вандалов, – он поморщился, словно ему скулы свело от только что съеденного лимона, – я не дергаю все ниточки подряд. Представь себе безумного звонаря, который зажал в кулак все веревки и судорожно машет этим

«букетом». Хаос, какофония, кошмар! И никакого толка. Я же всегда точно знаю, за какой хвостик нужно потянуть, чтобы раздалась нужная мне мелодия.

– Пфф! – не удержалась я и сложила руки на груди.

Выражать свое недоверие к его заявленным способностям было рискованно. Играла с огнем, ставила против черта. Но во мне вдруг взвырвало незнакомое доселе чувство противления. Раз уж я так конкретно вляпалась, нужно начинать прощупывать границы дозволенного.

Мое надменное «Пфф» его ничуть не задело. Дрейк смотрел снисходительно, словно это я выставила себя глупышкой.

– Я не бью вхолостую, Олеся. Никогда, – вкрадчиво проговорил

он, не отводя насмешливых глаз. – Я могу подобрать ключик к любому человеку. Даже очень доброму, правильному и хорошему. На самом деле, с такими даже проще. Всегда можно надавить на чувство вины – вы, люди, просто обожаете в нем консервироваться. На семейные ценности,

на склонность к самопожертвованию...

В этот раз мое «Пфф!» раздалось куда громче и злее. Склонность к самопожертвованию? Чувство вины? Это вот он сейчас про меня? Я просто волнуюсь о сестре и племяннике. Любой бы беспокоился, увидь он хоть тень Джада Вайлда издалека.

– Я редко пользуюсь этим талантом в своих личных интересах, но...

– Но вы ненавидите пыль. И утро без кофе для вас проблема, – понимающе хмыкнула я.

Впору пожалуй бедолагу. Столько неприятностей разом на него свалилось! Помощница без вести пропала, пыль копится, мозг несчастного черта взрывается, кофе он сварить себе сам не может... Армагеддон. Катастрофа. Конец света.

Ах, нет, что-то совсем не жалко! Я тихонько приснула в кулачок, пользуясь тем, что Дрейк снова отвлекся на рассвет. Впитывал его жадно каждой порой на коже. Еще одна странность.

Рыжие всполохи ласково облизывали его точеные загорелые скулы, огненными искрами отражались в зелени глаз, смягчали золотом черную шевелюру... Рассвет был черту к лицу, я засмотрелась.

– Олеся... – хриплые строгие нотки, к которым я неожиданно начала привыкать, вернули меня в действительность.

– Мм?

– Рубашки сами себя не привезут.

– Пфф...

– Нарываешься, Олеся.

О. А вот и границы. Они родимые.

Я моталась по городу почти целый день. К вечеру я ненавидела свои туфли, мечтала оторвать от них каблуки и сплавить в какой-нибудь канализационный люк. Ноги налились свинцом и отчаянно гудели. Все мечты сводились к тазику со льдом, ромашковому чаю и

массажу стоп. За этот набор я готова была продать душу, да вот незадача

– закладывать было нечего.

Я умудрилась заблудиться четырежды, отыскала только две химчистки из трех и теперь, обнимая ворох пакетов и вешалок, тряслась к третьему адресу. Я села в Текстильщиках, сменила ветку в Китай-городе и теперь на всех парах летела по направлению к Бабушкинской. Предыдущая ассистентка черта была той еще затейницей.

И куда она, к слову, запропастилась? Может, мне пора начать волноваться, что у черта помощницы без вести пропадают? Я фыркнула: а то мне мало поводов для беспокойства!

Дрейк сказал, что он слывет лучшим сборщиком в Верхнем мире.

Значит, сам он из Нижнего. Видимо, так они называют ад.

Сейчас, покачиваясь под мерное тарыхтение в обнимку с его пиджаками и рубашками, я воображала, что шумное, серое, лязгающее, гулкое, грохочущее метро – и есть Нижний мир. Во всяком случае, я никогда не стремилась сюда попадать без лишней причины. И каждую двухчасовую поездку с тремя пересадками воспринимала как кару небесную.

Но у метро было одно несомненное преимущество. Оно давало уйму времени на размышления. И я активно перекачивала в голове мысли.

Вопросов было много, ответов – ни одного.

Что мог делать американский черт в российском университете? Зачем он заделался преподавателем? Какую цель преследуют демоны ада и для чего собирают души? Расспрашивать рабовладельца о таком было

неловко. А может, я не готова была знать ответ. Вряд ли он занимается чем-то хорошим.

Пока я добралась до Бабушкинской, зимние сумерки застелили город. Дома укутались в серую дымку, фонари раскрасили снег желтыми

пятнами.

Судорожно тыча мерзнущими пальцами в экран телефона, зажав подмышкой пакеты, я шла по стрелочке навигатора. Зеленая дорожка вела меня в какой-то темный проулок между двух многоэтажек. Здесь, в тени домов, даже воздух казался черным. И кто додумался устроить химчистку

в таком мрачном месте?

Сначала я увидела дорожку золотых следов, расцвечивающих примятый снег. Не шучу. Правда, золотых, еще и светящихся. Будто

тут прошла какая-то богиня или... Нет, больше на ум никого не пришло. Как есть, богиня.

– Олеся Владимировна? – окрикнул меня низкий женский голос, от которого все внутри подобралось.

Сердце забилось быстро-быстро. Как у мышонка, почувствовавшего за спиной хищника. Захотелось немедленно броситься в норку. Странная реакция. Я порывисто обернулась, чуть не выронив все пакеты.

Метрах в трех, облокотившись плечом о кирпичную стену, стояла высокая женщина. И мы точно с ней не были знакомы. Что такая

изысканная мадам, упакованная в серый брючный костюм (и, похоже, совсем

не мерзнущая), забыла в обшарпанном переулке?

– Я... Да?

– Я по поводу вашего контракта, – дама оторвалась от здания и кошачьей походкой направилась ко мне. – Считайте меня своим адвокатом. И зовите меня Миндаль.

Глава 5

Я опешила от всего разом. И от слова «контракт», от которого меня прошило нервной дрожью, и от неординарного орехового имечка этой дамы. И поглядывала она на меня как-то странно... Будто хотела попробовать на зуб. Причем даже с закрытым ртом было понятно, что они

у нее острые.

– Вы что, ангел? – с сомнением посмотрела на женщину и выдала первое, что пришло в голову.

Потому что моя астраханская бабушка утверждала, что в раю все красиво. И сады, и души, и лица. А эта тетка была очень привлекательной. Наделенной какой-то опасной красотой. Этакая индийская модель. Глянцевые волосы, струящиеся по плечу шоколадным водопадом. Большие карие глаза с восточным разрезом. Кожа цвета кофе с молоком. Внешность мягкая, текучая, теплая, южная. А вот взгляд – жесткий и строгий.

– Ох, да не дай бог! – фыркнула барышня, и все встало на свои места. Нет, не ангел. – Мы – третья сторона. Штаб контроля за божественными правонарушениями.

Офонареть.

– Хотя порой мы привлекаем и ангелов, и демонов в качестве агентов, когда наши интересы совпадают. И даже, как сейчас, людей, –

она с намеком приподняла бровь, и сердце снова припустило в бешеной

польке.

Меня? Агентом? Куда? Я еще с мытьем полов в элитной новостройке

не свыклась!

– У нас есть подозрение, что господин Дрейк водит Штаб контроля за нос. Так же, как и вас, Олеся Владимировна, – миндальная барышня дежурно улыбнулась и по-свойски положила руку мне на плечо. Видимо, я должна была расслабиться, да только сильнее

напряглась. – Вы ведь уже догадались, что Дарриэл Дрейк вынудил вас заключить контракт ложью?

Она убрала ладонь в карман и кивнула на кособокий стол с парой облупленных стульев, выставленных у заднего входа в какой-то бар. Над ними висел одинокий тусклый фонарь. Вероятно, сюда персонал выходил

покурить и попить растворимый

кофе в «тишине» мегаполиса.

– Давайте присядем и потолкуем? – предложила Миндаль и, брезгливо швырнув газетку со стола на сидение, примостилась бедрами на самый край.

– Разве ложь – не главное оружие демонов ада? – я скептически пожала плечом и бухнулась напротив, сбросив пакеты рядом, скрестив руки на груди и откинувшись всем весом на спинку стула. Старое дерево

натужно скрипнуло.

– Отнюдь, – скупко возразила ореховая тетка. – Обычно они предельно честны с клиентами во всем, что касается условий сделки. Но Дрейк... Он просто помешался на этой своей чистоте! Мы не были уверены, что получится его подловить, но... Все оказалось даже слишком

легко.

– Вы о чем?

– Дарриэл подстроил ситуацию, в которой вы обменялись телесными

жидкостями.

Я поперхнулась: чем-чем?!

Ах, это она про кровь и поцелуй... Ну да, было дело.

– И выдал это за заключение контракта, – махнув изящной ладошкой, продолжила Миндаль бархатным голосом. – Но он вас

обманул.

Она затихла, ожидая от меня какой-то бурной реакции, но я лишь похлопала глазами: щелк-щелк. Обманул, конечно. Говорю же, хам, гад и вообще... черт безрогий.

– Вы не поняли, да? Вы в тот момент ничего ему не пообещали взамен его добровольно оказанной услуги. Он просто умело извернул факты.

– Вы хотите сказать, что я не продала случайно душу? – я резко подалась вперед. – И моя мольба о помощи была... обычной просьбой?!

– Просьба была обычной. Но душу вы все же продали. На целый месяц, да. Еще как! Просто сделали это часом позже в его гостиной, когда завизировали контракт.

Вот же... Черт! Чувствовала ведь, что где-то подвох!

Зато теперь пазл сошелся, картинка стала целой. Вот почему Джад его чуть не придушил (ладно, я утрирую, но Валькин муж хотя бы попытался!). И вот почему Дрейк велел приложить ко лбу заморозку в полотенце. У него не было тогда доступа к моей задушевной энергии. Уууу, хитрый гад!

Но нестыковки все-таки нашлись.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора:

<https://litnet.com/ru/book/k-chertu-ili-lyubov-kontraktom-ne-predusmotrena-b3122>
80